

лупальто). Нет ли здесь напрашивающейся связи с названием мужской верхней одежды, известной у многих народов Кавказа под названием «чуха» (стр. 105)? Неудачно объясняется отсутствие специального термина для верхней мужской рубахи (стр. 109). Узкий кожаный с серебряными украшениями или целиком серебряный пояс, состоящий из отдельных секций (стр. 109), в кавказоведческой литературе известен как «наборный пояс».

В главе «Семья и семейный быт», тщательно и продуманно написанной, с тремя таблицами, охвачены, пожалуй, все рассматриваемые в традиционной этнографической литературе стороны этого вопроса. Учет современного материала особенно ценен именно в этой главе. Живые примеры из жизни арчинцев, тактично описанные, подробная характеристика их семейного быта вызовут интерес у читателей. Выскажем некоторые замечания и по этой главе. На стр. 142 автор говорит об ортокузенных и кросскузенных браках, как о чем-то присущем только арчинцам. Между тем такие браки в недалеком прошлом были у лезгин, азербайджанцев и других народов. На стр. 154 читаем: «Первенца арчинка рождает в доме своей матери, остальных детей — в доме мужа». И далее (стр. 155): «Первому ребенку имя может предложить мать или ее старшие родственники, второму — чаще отец». К сожалению, автор не анализирует эти факты, заслуживающие, на наш взгляд, пристального внимания этнографа.

Глава «Культура и просвещение» как бы подводит итог книги. Во всей работе Г. А. Сергеевой проходит естественное и очень убедительное сравнение прошлого арчинцев с настоящим, но особенно четко оно выступает здесь. Всюду в книге автор рисует этнографический портрет народа на фоне общедагестанской культуры, а в этой главе эта ценная особенность выступает еще ярче.

Проблема языкового строительства — актуальная в условиях многонационального Дагестана — интересно освещена и подкреплена материалами анкет, дающих представление о характере многоязычия арчинцев (стр. 181—185). Так, выявляется, что лакский язык, более других распространенный среди арчинцев до революции, в наше время в результате изменения направления экономических связей, развития школы на аварском языке известен главным образом лицам старше 50 лет. Наоборот, аварский знает основная часть населения Арчи. Именно это раскрывает направление этнических процессов, происходящих среди арчинцев, — слияние их с аварцами.

Следует отметить, что книга снабжена добротным, тщательно сделанным справочным аппаратом, написана хорошим литературным языком.

В заключение еще раз подчеркнем, что монография «Арчинцы» — немалый успех автора. Книга несомненно привлечет внимание всех, кто интересуется этнографией и историей народов Кавказа.

Н. Г. Волкова, А. Г. Трофимова

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках», ч. I — Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова, М., 1966.

Среди источников по средневековой истории и культуре народов нашей страны все более заметную роль начинают играть эпиграфические памятники, преобладающее большинство которых составлено на восточных языках.

Несмотря на огромную работу в изучении этого наследия (история изучения «мусульманских» надписей России имеет трехсотлетнюю давность), многие памятники остались вне поля зрения исследователей. Сохранение, фиксация и издание надписей, обнаруженных на территории нашей страны, стали настоятельной необходимостью. Частичные исследования, как писал академик И. Ю. Крачковский, должны быть дополнены составлением «репертуара и корпуса арабских надписей в Союзе. Работа большая и сложная, но уже настало время за нее взяться во всеоружии методов современной науки»¹.

Значительное число эпиграфических материалов сосредоточено на Кавказе, особенно в Дагестане. Большим вкладом в изучение этих материалов служит рецензируемая монография Л. И. Лаврова (часть I), напечатанная издательством «Наука», в серии «Памятники письменности Востока».

В книге представлено более 450 восточных, преимущественно арабских надписей: охватывающих период с X по XVII в. Часть из них впервые обнаружена автором. Кроме того, им использовано большое число эстампов, зарисовок рукописных надписей, обнаруженных в архивах и музеях страны, в частности в архивах Академии наук СССР (фонды П. И. Кеппена и Б. А. Дорна), Института народов Азии (фонды К. К. Фезе,

¹ И. Ю. Крачковский, *Арабистика в СССР за 20 лет*, «Труды Ин-та востоковедения», вып. XXXVI. М.—Л., 1941, стр. 26.

П. В. Гана, А. В. Комарова), Института этнографии АН СССР (рукопись Е. М. Шиллинг, альбом Д. А. Вырубова), Всесоюзного географического общества (альбом Н. В. Ханькова), в краеведческих музеях Северного Кавказа. Ценность материала повышается в связи с тем, что часть его не сохранилась до наших дней.

В науку введено значительное число неизвестных данных. Представлялась возможность более основательно изучить такие сложные вопросы, как социально-экономический строй на средневековом Северном Кавказе, история монотеистических религий, в частности ислама, политическое устройство, взаимоотношения союзов сельских общин и феодальных владений. История политических и культурно-экономических контактов народов Кавказа получила дополнительную и серьезную аргументацию. В книге дан обильный материал по истории арабского письма и грамоты, а также о строительной деятельности.

Большой заслугой автора является новое чтение надписей, уже известных по предыдущим публикациям. В большинстве случаев (многие надписи из Дербента, Ричи, Рутула, Хюва, Ахты, Кубачи и других населенных пунктов) это сделано с полным основанием.

Чтение и перевод надписей требовали обширных специальных знаний, и Л. И. Лаврову удалось справиться с задачей блестяще. Огромный многолетний труд по выявлению, систематизации и научному описанию эпиграфического наследия оказался весьма плодотворным, ибо исследователь счастливо сочетает в себе историка, этнографа, эпиграфиста, искусствоведа.

Подготовка огромного числа текстов к изданию, их перевод и основные сведения о них — одно это дает право говорить о крупном вкладе исследователя в советскую эпиграфику. Не ограничиваясь фиксацией лапидарных текстов и осуществлением их переводов, ученый снабжает книгу обстоятельным комментарием, ставшим по своему значению самостоятельным исследованием, вышедшим за пределы эпиграфики. Иногда это целые очерки, посвященные отдельным вопросам социально-экономической, историко-культурной и военно-политической истории народов средневекового Северного Кавказа, написанные с привлечением всего богатства археологических, историко-этнографических, фольклорных и лингвистических данных. Будучи кавказоведом широкого диапазона, Л. И. Лавров, опираясь на изданный им эпиграфический материал, ставит и разрешает ряд новых вопросов, вносит существенные коррективы в наши представления о политической, культурной и религиозной истории на территории Северного Кавказа. Краткие, строго аргументированные тексты комментариев превратились в сжатую историю феодальных владений (Дербент, Кюра, Кайтакское уцмийство, Табаранское майсумство, Газикумукское, а затем Тарковское шахальство, Аварское нуцальство, затем ханство, Цахурское султанство и т. д.), союзов сельских общин, отдельных пунктов Северного Кавказа, а генеологические таблицы воссоздают династии правителей и историю социальных верхов. Огромные сдвиги в сфере духовной жизни нашли отражение в выводах Л. И. Лаврова о широком бытовании арабского письма и грамоты в X—XVII вв., о традициях в оформлении эпиграфических памятников, в создании своеобразных надписей — хронографов (Рича, Гельхен, Хунзах и др.). Интересные мысли высказаны автором по истории религии и религиозных представлений. Так, две надписи из Нижнего Архыза Карачаево-Черкесской автономной области, относящиеся к XI—XII вв., позволили автору уточнить время существования ислама в Карачае и выдвинуть предположение о распространении в XI—XII вв. «арабского влияния» вплоть до гор Северо-Западного Кавказа. «Открытие мусульманской подосновы христианства, — пишет Л. И. Лавров, — существовавшего здесь в предмонгольское время, ставит вопрос о путях проникновения арабского влияния в верховья реки Б. Зеленчука» и считает наиболее вероятным проникновение ислама в Карачай из степной части Северного Кавказа (стр. 174). Надпись середины XII в. из дагестанского аула Рутул дала возможность писать о наличии здесь религиозных учебных заведений, что перекликается с сообщениями письменных источников о других населенных пунктах Дагестана, в частности, с сообщением арабского космографа XIII в. Закарийя ал-Казвини о плодотворной работе и переводческой деятельности мусульманской школы в селении Цахур.

Опираясь на эпиграфический материал, автор прослеживает этапы длившегося несколько столетий процесса распространения ислама в Дагестане и вносит ряд убедительных уточнений в существовавшие ранее взгляды на отдельные вопросы проникновения монотеистических религий в Дагестан. Новое чтение надписи из Кубачи позволило отбросить от прочно вошедшего в науку утверждения Б. А. Дорна о принятии ислама кубачинцами в 1404/05 году. Надпись зафиксировала, как удалось показать Л. И. Лаврову, не время строительства первого культового здания в Кубачах, а возведения медресе «в дни поражения этой страны чумой». Другой памятник эпиграфики — сенсационная надпись «54 г. хиджры из Хюва» оказалась моложе предполагаемой даты на 1000 лет и была сделана, как доказал автор, в 1054 г. хиджры, что соответствует 1644/45 г.

Весьма убедительны доводы о процессе проникновения ислама в Адыгею и Кабарду, о значительном распространении ислама среди кабардинцев и части адыгейцев в XVI в. и о принятии ислама всеми кабардинцами и большинством адыгейцев в течение XVIII в.

В текстах и комментариях рассмотрены также отдельные вопросы общественно-экономической и политической жизни Северного Кавказа в X—XVII вв. Курахская надпись 1356 г. представляет в этом отношении наибольший интерес. Она зафиксировала территориальные владения лезгинского селения Курах, и автор весьма точно восстанавливает границы этих земель, превосходявшие возможные размеры обычных сельских общин, и анализирует ряд интересных этнографических подробностей. Надписи из южнодагестанских аулов также дают ценный материал, характеризующий далеко зашедший процесс социальной и имущественной дифференциации.

Обстоятельное изучение надписей из агульского селения Рича позволит решить ряд вопросов, связанных с пребыванием монгольских войск на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, и представить новые данные о героической борьбе народов нашей страны против монгольского нашествия.

Процесс экономического подъема нашел отражение в особом размахе строительной деятельности, хорошо прослеживаемой по сообщениям надписей. Строятся частные и общественные здания, культовые сооружения, мосты. Уже в XI—XIII вв. сложилась школа профессиональных мастеров-строителей (уста), поддерживавших связи с азербайджанскими архитектурными школами, а также резчиков по камню, владевших арабской грамотой (надписи из Дербента, Гельмеца, Рутула, Ихрека, Ахты, Кумуха и т. д.).

Большую ценность представляет и обстоятельный вступительный очерк, охватывающий историю изучения надписей, общую характеристику исторического значения эпиграфических памятников.

Завершается монографическое исследование таблицами с воспроизведением надписей, библиографией, индексами и кратким резюме на английском языке.

Таким образом, «Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв.» Л. И. Лаврова — ценный свод и крупное исследование по истории и духовной культуре средневекового Северного Кавказа.

Остается пожалеть о том, что почти все надписи даны, по обстоятельствам, не вписавшим в основной текст автора, в рисунках, а не в фотографиях, как это желательно при подобного рода изданиях. Правда, это не всегда представляется возможным: многие надписи не сохранились.

Вполне объяснимы трудности, связанные с отсутствием палеографических эталонов, позволяющих с определенной точностью датировать памятник, если дата в тексте специально не указана. Признавая в целом датировку памятников обоснованной, приходится отметить, что некоторые датировки автора являются предварительными, и в них могут быть впоследствии внесены уточнения. Все это делает необходимым в целях дальнейшего изучения и датировки памятников обязательную разработку вопроса палеографии. К сожалению, автор не предпринял попыток к этому, ибо, как он сам заявляет, «его подход к памятникам определялся не палеографическими или литературными интересами, а прежде всего тем, насколько они могут пролить свет на историческое прошлое народов Кавказа» (стр. 10).

В нескольких случаях наблюдается неточная прорисовка надписей или же неточное чтение. Так, надпись из Ихрека (№ 5), рассказывающая о строительстве мечети после 400 г. хиджры, воспроизведена с незначительными отклонениями от подлинника. Чтение второй строки из ихрекской надписи (№ 3) как «к-л-ф адәлат» и ее перевод «правосудие обязательно» не согласуется с правилами арабской грамматики. Не применен ли здесь своеобразный и необычный прием, когда строку следует разделить на две половины и первое слово читать как обычно, справа налево, а второе — наоборот. Тогда вполне уверенно можно было бы прочитать трафаретное «ал-мулк лиллах» — «владычество принадлежит Аллаху».

В надписи 31 (стр. 68 и 269) вторая строка прочитана автором «владелец его отец мира, единый» без упоминания имени. Это совершенно не принято в подобного рода надписях. Обычно после слова «сахиб» (владелец) идет имя. И в данном случае в имеющейся в нашем распоряжении фотографии нетрудно прочитать: «владелец его Абу Али (?) сын Ахада».

В надписи 1239 г. из Цахура (№ 70) вместо «сахиб», явствующего из эстампа, автор читает «саба». Следовательно, вместо «владелец этого минарета» получилось «исправил этот минарет», хотя такое чтение противоречит логике текста и установившемуся в подобного рода надписях трафарету. В последней строке текста переводчик нашел нисбу «Ихрекский», не соответствующий подлиннику.

В надписи из Ихрека (№ 85) о строительстве жителями Цахура культового здания в Ихреке имя писца прочитано Ахмад, хотя на фотографии отчетливо читается Х-м-д (Хамид?).

Наиболее древние аварские надписи грузинскими и арабскими буквами отнесены в тексте в VI в. (стр. 17), и в этом можно увидеть только опечатку.

Нам кажутся неточными выводы, сделанные на основе следующей тигской надписи (№ 133): «Поднялись против нас все мусульмане. И вот разрушено это селение, затем была построена эта крепость». Л. И. Лавров, сославшись на то, что «время, когда жил и писал писец, и знание им арабской грамоты позволяют видеть в нем мусульмани-

на», предполагает, что «писец сочувствовал врагам и оправдывал их агрессию против Тпига. Это могло иметь место в том случае, если надпись рассказывала о событиях более раннего времени, когда жители Тпига еще не были мусульманами и с оружием в руках сопротивлялись обращению в новую веру» (стр. 192, прим. 134). Подобного рода толкование не обосновано. Само начало текста «восстали против нас» говорит о взаимоотношениях людей, находящихся в отношении господства и подчинения. В иных случаях применялся бы трафаретный «напал на нас», «пришел против нас». В данном случае речь могла идти о селениях, находившихся в политической зависимости от Тпига. То, что в них население названо мусульманским, не служит доказательством отсутствия такового в самом Тпиге.

Чтение надписи № 280 из мечети квартала Самиял в Хунзахе также нуждается в уточнении. Со ссылкой на М. С. Саидова автор датирует эту надпись 734 г. хиджры. При внимательном изучении надписи на месте нам удалось уточнить дату — 934 г. хиджры, т. е. 1527—1528 гг. Стало быть, это не самая ранняя надпись из Аварии.

Невозможно согласиться также с рядом положений о степени развития социальных отношений в ряде районов Дагестана. Например, автор архаизирует, на наш взгляд, общественные отношения у жителей Гумика, признавая «наличие у них в X в. племенной организации» (стр. 181) на том основании, что арабский историк и географ ал-Масуди писал о жителях Гумика: «Они не подчиняются царю, но есть у них начальники». Наличие «царей» в Гумике зафиксировано еще в VI—IX вв. Одно это обстоятельство может поставить под сомнение вывод, сделанный со ссылкой на ал-Масуди. Л. И. Лавров не видит также особой разницы между ханствами и «вольными обществами» в Дагестане в отношении социального развития, придавая более важное значение форме правления (стр. 191).

Нам кажется, следовало бы справедливости ради отметить в комментариях, что на шамхальское кладбище в Кумухе, детально изученное Л. И. Лавровым, впервые обратил внимание дагестанский ученый Али Каяев и что «турки» из Ричинской надписи о борьбе с монголами идентифицированы с монголами дагестанским ученым Б. Моллачихановым.

Первая сессия советских арабистов, состоявшаяся в июне 1935 г., в числе задач, стоящих перед арабистикой, наметила «систематическое собирание, издание и изучение материалов по арабской эпиграфике и палеографии»².

Л. И. Лавров внес большой вклад в изучение эпиграфического наследия народов Северного Кавказа. «Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв.» — первая серьезная и крупная сводная работа в этой области. Издание второй части исследований Л. И. Лаврова, посвященного памятникам XVIII—XIX вв., еще более обогатит наши знания об эпиграфическом наследии кавказских народов.

Х.-М. О. Хашаев, А. Р. Шихсандов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Nepali Gopal Singh. *The Newars. An ethno-sociological study of a Himalayan community*. Bombay, 1965, XI, 476 p., 61 ill.

Рецензируемая книга профессора Индуистского университета в г. Варанаси (Индия) Г. С. Непали — первая обобщающая работа о неварх, посвященная основному населению Непальской долины, или долины Катманду. Основой для этой работы послужили главным образом полевые наблюдения автора в 1957—1958 гг. Г. С. Непали обследовал около 300 неварских семей, как городских (в Катманду), так и сельских (в деревне Панга), дополнив собранный материал результатами полевой работы в тераях и горных районах Непала. В книге использована также литература на английском языке, список которой прилагается в конце работы, — всего около 170 названий (правда, не все эти работы имеют прямое отношение к неварам).

Книга состоит из «Введения», 12 глав, посвященных материальной культуре неваров, их обычаям, семейным отношениям, кастовой системе, религии, праздникам, «Заключительных замечаний» и приложений.

Во «Введении» приводятся данные переписи 1952—1954 гг. в Непале, из которых явствует, что в эти годы там жило 383 тыс. неваров. Более половины из них (55%) сосредоточено в Непальской долине, где невары составляют 55% населения. 60,2% неваров живут в городах: в Катманду они составляют 68,44% населения, в Патане (Лалитпуре) — 78,44%, в Бхадгаоне (Бхактапуре) — 97,77% (стр. 24).

Большая часть «Введения» посвящена вопросу о происхождении и формировании неварской народности. Если название «Непал» упоминается уже в памятниках древнеиндийской правовой литературы «Архашастре» Каутилы (IV—III вв. до н. э.), то первые сведения о неварх относятся к довольно позднему периоду — к концу X в. н. э. До сих пор окончательно не выяснено, кем были первые жители Непальской долины,